

ИСТОРИЯ АНТОНИНЫ МАЙОРОВОЙ

Майорова Антонина Александровна

Я родилась в 1921 году. В семнадцать лет пришла работать в артель под названием Балалайка, находившейся на улице 9 января в Боровичах. Артель выпускала музыкальные инструменты. Снимала частное жильё. В 1939 году поступила на двухгодичные курсы медсестёр, закончила в 1941 году. Тогда они назывались курсы РОК.

Началась война, пришла на работу, нас собрали всех и отправили за деревню Сушилово под Окуловку рыть окопы. Жили в пустом доме, спали вповалку на соломе. Нашим начальником был Топольский. Я попала в 3-ю бригаду. Был уже конец ноября. Стали отпрашиваться домой переодеться, помыться. До города шли пешком, проходили мимо деревень, искали где бы попить. Снег, дождь. Одна женщина позвала нас в дом, согрела самовар, от неё вышли затемно. Пришла домой, хозяйка ругает: «Солдаты ищут из военкомата». На другой день вымылась, хотела идти, а сама не могу, заболела. У меня температура 39. Пришла фельдшер. Неделю пролежала и пошла в военкомат. Вид болезненный, на руках мозоли. Там сказали: «Долго же вас не было» — и направили в госпиталь №2747 в 1-ю среднюю школу. Госпиталь занимал три помещения: школу, ресторан «Аддис-Абеба», где была столовая и дом №11. У нас были раненые в грудную клетку, полость живота, руки, ноги. Работала сутки через сутки без выходных. В 1942-1943 годах раненых было очень много и умирало много из-за несовместимых с жизнью ранений. Вначале хоронили в белье, потом был приказ хоронить в гробах. Поступали солдаты из Мясного Бора со 2-й ударной армии, такие дистрофики — это ужас, машинами везли. В окружении лошадей всех съели, ремни ели. От них осталась одна кожа да кости. Нас всех согнали вниз их принимать. Был приказ — накормить. Кормили четыре раза. Давали 400 грамм булки, молочный суп, варили кашу. В доме и лежали по четыре человека на двух кроватях. Не тяжело раненые чистили на кухне картошку, ели сырую, набирали в карманы. Других не найти,

искали на помойках. В отделении был санитар. Говорили: «Ты в это блюдо положи и первое и второе как поросёнку» — а уже потом: «Я теперь хочу есть как все. Организм напитался». Как-то старшая медсестра распорядилась сшить мешок для марли, торнула иголкой в палец, иду на работу, палец воспалился. Навстречу хирург Арам Артёмыч Меркумян, увидел, сказал: «Пойдём к Рахиль Михайловне Шапиро». Они разрезали палец, вычистили.

До 1943 года начальником госпиталя был Иосиф Блюменфельд, потом Иванов, а после него Лев Николаевич Соколов. В 1943 году врачей Пашенко, Мурзову, Гуричеву, Богатенкову, Моторович и Шапиро отправили на фронт. В госпитале работали врачи Миша Сюгин, Зинаида Алексеевна Наркевская, москвичи Михаил Васильевич Трояновский, Аркадий Абрамович Шахмундес, Покромович, ленинградец Дмитрий Дмитриевич Парушев, Фон Юнг, Фаина Самойловна Файнштейн, Бондина, лаборант Мария Горнева и другие.

Главным хирургом был Виктор Ильич Маркин, человек простой, открытый, мог поговорить с любым, посоветовать, рассказать анекдот. С ним было легко. После Боровичей поехали в Эстонию. Тридцать километров ехали сутки. Немного проедем, стоим — путь разобран, доедем до переезда — опять остановка. До ближайшего города четыре километра, город видно. Приехали в семь часов вечера, стоим. Подошел состав с солдатами, солдаты с гармошкой. Налетели два самолёта, спустили шары-фонари, светло как днём, стали бомбить. Капитан кричит: «Вон из вагонов! В лес не ходите, там мины!» А тем кричат: «По вагонам!» Мы в лесу под ёлками. В городе загорелся склад, самолёты улетели. Мы и ночь не спали, думали как там солдатики, горевали, как они, почему нас не посылают на помощь. В пять утра нас повезли. Люся спрашивала про солдат. Значит, уехали солдатики. Слава тебе, Господи.

А потом разгружали свой эшелон, заняли горбольницу. Был такой случай в Эстонии. Сами эстонцы восстанавливали путь. Шпалы лежали штабелями, покурили, стали их брать, а они были заминированы. Все раненые. Их привезли с вырванными лицами. Главный хирург вкладывал в карманы записки, и их отправляли в

другие госпитали. При всём желании ничего нельзя было сделать. Пол был вымощен плитками. Санитары совковыми лопатами собирали кровь в вёдра. Ребятишки пойдут в лес, найдут мину, снаряд, их приносят без рук, без ног.

В конце февраля поехали в Германию, ехали весь март через Польшу, город Познань. Проезжали одно место — большое поле, а там солдаты неубранные лежат. В районе боёв разворачивали госпиталь. Проезжая по Германии видели — разбомбят эшелон с ранеными, состав под откосом и тут же люди не зарыты. Приехали в Мариенвердер. Там наших госпиталей было много. Было раннее утро. Прохладно. На перроне стали разгружаться. С собой возили скамейки для раненых, оставили их на перроне, а сами пошли по пустым домам за стульями, посудой. В домах были испорчены подушки, разрезаны диваны, кругом пух, перья. Заходили в подвалы. Кладовые были выложены плиткой, на полках продукты, торф спрессован в брикеты и никакой грязи. Стало разогревать, тепло. Всё цветёт. На фермах много скота, хозяев нет. Ходили за город. За городом большое кладбище, за ним огромное поле. Бороздки с клубникой конца краю не видать, ягоды крупные. Боялись мин, поторкаем землю и идём дальше. Думаем, что у нас бы и ботву бы не оставили. А по другую сторону маки, лепестки большие. Как они жили? Вдоль дорог яблони, груши, сливы, ничего не сломано. Я себе думаю, прежде чем разрушать деревни, надо устроить народ. Нельзя жить без деревни, как жить без деревень? Пять-шесть старух, там же все пашут, сеют, кормят людей.

Мы, десять человек, ходили на реку Висла, мост большой. У меня отец служил в первую германскую войну, говорил родителям, что немец не справлялся, травил их газом. У него лопнул противогаз, взял другой — лопнул, а когда надевал третий — потерял сознание и очнулся в Петербурге. Когда он выздоровел, профессор сказал: «Будете жить спокойно, проживёте десять лет, если нет, то пять». Отец прожил десять лет. Я стою и думаю: «Здесь мой отец был отравлен. Он говорил о реке Висла. Я плакала».

В Германии поступали и раненые и больные. У Зои Каблуквой лежал больной Гриша — высокий, лет сорока. После операции

предупреждали — не курить. Поправился, вышел на улицу, сказал: «Я только курну». И курнул два раза, так раскашлялся, стало плохо, повезли в операционную. Виктор Ильич сказал: «Запомни, курить нельзя». Ответил: «Я уже слышал». Прошло немного времени, опять закурил. Врачи сидят в отделении, только поели, вызывают — у него опять кровотечение — «Сейчас идём». Три раза делали операции, потом отправили на 1-е отделение, а когда всех эвакуировали, остался один. Четыре солдата отнесли его в другой госпиталь. Надежды на выздоровление было мало. Вредная привычка оказалась сильнее желания жить. Нам вместо положенной махорки давали первого числа по шоколадке.

1-м хирургическим отделением заведовал хирург из Москвы Шахмундес Аркадий Абрамович. С ним работал молодой, добродушный врач Фиша Самойлович и моя подруга — хирургическая медсестра Аня Пыраева. Моя знакомая Аня Вяльцева заболела псориазом, болезнь захватила всё тело, как только не лечилась, ничего не помогало. Я работала на 7-м отделении и обратилась к главному хирургу Виктору Ильичу и он сказал, чтобы я подошла к хирургу Аркадию Абрамовичу Шахмундесу, что тот знал как лечить кожные заболевания. Аня Пыраева рассказывала мне о нём, как о строгом человеке. Шла операция, на столе раненый в грудную клетку. Я подошла и обратилась к нему тут же с проблемой подруги. Он ответил, что посмотрит после операции. И действительно ей помог. Следы от болезни остались только на локтях. После войны Аня поехала в санаторий и полностью излечилась.

Заведовала отделением терапии Зоя Васильевна Брянцева из Боровичей. Вместе с медсестрой Аней Зарецкой были её шесть детей, и они помогали раненым по мере своих сил. После операций раненые просят пить, дашь чайную ложку, говорят: «Что дала как птюшке?» Те, кто шёл на поправку, уходили в город за трофеями. В тумбочках было полно всего. Тумбочки проверяли, а трофеи сдавались на склад. В госпитале лежали и бывшие заключённые. Заведовала бельём кастелянша Соня. Как-то не хватило двух пикейных одеял, сидит, плачет. Идёт один, спрашивает: «Чего плачешь?» Отвечает: «Не твоё дело». Другой пристал: «Чего плачешь?»

Сказала: «Это пустяки». Вечером принес одеяла. Она опять плачет, что у кого-то не хватит. На второй день идёт, она: «Где взял?» — «Не твоё дело». О них говорили, что воевали они смело.

К госпиталю прибился Стёпка, его вместе с молодыми ребятами немцы угнали в Германию. К себе на работу в поместье его взял немецкий хозяин, относился к нему неплохо и Стёпка сносно выучил немецкий язык. У нас лестницу убирала немка, у неё было двое ребятешек. Стёпка с ней о чём-то громко спорил. Мы спрашиваем: «Что ты с ней ругался?» Отвечал: «Она к нам плохо относится, обзывает нас по всякому». Съездили в город Валенштейн, посмотрели, города не знали, вернулись в Мариенвердер.

9 мая 1945 г. Виктор Ильич сказал: «Бегите к гимназии фотографироваться». Мы побежали и эта фотография у меня сохранилась до сих пор. В конце ноября наш госпиталь стал расформировываться, но некоторые врачи перешли в другие госпитали и продолжали там работать.